

TARTU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

Alustatud 1893.a. VIHİK 883 ВЫПУСК Основаны в 1893.g.

ПУТИ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературоведение

Труды по русской и славянской
филологии

ТАРТУ 1990

Редакционная коллегия: В.И. Беззубов, С.Г. Исаков,
Ю.М. Лотман, П.С. Рейфман

Ответственный редактор тома И.А. Чернов

Ученые записки Тартуского университета.
Выпуск 883
ПУТИ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.
Труды по русской и славянской филологии.
Литературоведение.
На русском языке.
Тартуский университет.
ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Оликооли, 18.
Ответственный редактор И.А. Чернов.
Корректор Л. Оноприенко.
Подписано к печати 15.01.1990.
ИБ 00416.
Формат 60x90/16.
Бумага писчая.
Машинопись. Роталпринт.
Учетно-издательских листов II,65. Печатных листов II,75.
Тираж 550.
Заказ № 841.
Цена 2 руб. 30 коп.
Типография ТУ, ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Тийги, 78.

6 - 2

© Тартуский университет 1990

А.А. Данилевский

Имея в виду писателей конца XIX - нач. XX вв., В.А. Келдыш утверждал: "Путь литераторов порубежной эпохи отмечен особенно интенсивными философскими исканиями"¹. Утверждение, бесспорно, справедливое, но, думается, мало найдется писателей той поры, к кому бы оно подходило более, нежели к А.М. Ремизову: обостренный интерес к философии возник у него еще в раннем отрочестве и не спадал затем на протяжении всей его долгой жизни. На склоне лет сам Ремизов так вспоминал об этом: "К этому же времени < к 1890-91 гг., когда будущему писателю едва минуло 13 лет. - А.Д. > относятся и мои первые чтения по философии. Я взял "Мир как воля и представление" в переводе Н.Н. Страхова. В Предисловии сразу же наткнулся на указание Шопенгауэра, что надо для его понимания. И я обратился к Канту, к "Пролегоменам", перевод Вл.С. Соловьева, а одолев Пролегомены, перешел к "Критике чистого разума". А уж потом вернулся к Шопенгауэру.

И навык. И стало мне изучение философии, как яблоки - каждая система имела для меня свой легкий вкус, запах и окраску. А чтобы для глаза было убедительнее, а память крепче, все, что мне казалось путанным и сложным, я рисовал: первый мой графический альбом посвящен гностикам <...> Но когда я сам задумал сочинять философское, слов у меня оказалось мало, <...> философствовать так и не научился. Ни Виндельбанд, ни Куно Фишер меня не направили. Философская словесность меня связывала, <...> я понял свой изъян: я очень "физический", "предметный", "образный", и чистая мысль - у меня нет рук схватить ее и подчинить себе"².

Эстетический склад сознания и мышления Ремизова явился одной из главных причин его длительного увлечения ярко обрванной "философией жизни" Ф.Ницше, пришедшего на смену прежним предпочтениям будущего писателя: "В ноябре 1892 года вышла 15 книжка "Вопросов философии и психологии" со статьей В.П. Преображенского о Ницше ... И предался я Ницше, как некий святой пещерник нечистому"³. Возникший вслед за

этим горячий, но сравнительно недолгий интерес Ремизова к учению Маркса, разумеется оставил след в его мировоззрении, однако воздействие со стороны марксизма не идет ни в какое сравнение с тем, какое оказали на него трансцендентный идеализм Канта, иррационалистический пессимизм Шопенгауэра и антихристианский нигилизм и персонализм Ницше. Буквально заволажив сознание Ремизова и определив сферу его интеллектуальных запросов практически на всю жизнь, идеи этих философов обусловили, в частности, и непреходящий интерес писателя к творчеству двух ярких представлений отечественной философской мысли нач. XX в.: В.В. Розанова (получившего от Мережковского прозвище "русский Ницше")⁴ и автора одной из самых ранних экзистенциалистских интерпретаций человеческого существования (одновременно явившейся наиболее "значительным отражением и проявлением в России философского нигилизма в духе идей Ницше")⁵ - Льва Шестова (Л.И. Шварцмана). В своей автобиографии 1923 г. Ремизов заметил по этому поводу: "Любимыми писателями, которых читал всегда, назову умершего в 1919 г. в России русского философа В.В. Розанова и ныне живущего в Париже Льва Шестова"⁶. Проблема творческих взаимоотношений Ремизова с последним из указанных авторов и составляет предмет анализа в предлагаемом исследовании. Начнем с обзора фактов.

Впервые с идеями Шестова Ремизов ознакомился в 1901 г. (в 1912 г. он писал по этому поводу: "В 1899 году начал выходить журнал "Мир искусства" <...> Тут⁷ <...> я узнал Льва Шестова^{7а} и <...> Розанова и записался в их постоянные любительские читатели")⁸. Личное же знакомство двух авторов состоялось в 1904 г. в Киеве⁹ (позднее Ремизов так вспоминал об этой встрече: "... судьбой однажды соединило нас и на всю жизнь. Да иначе и не могло быть. Во всех моих "комедиях" Шестов играл несомненно главную роль, да и в нашей литературной "горькой" участи было похожее: оба мы были "без пристанища" - с неизменным редакционным отзывом "не подходит" <...> А познакомил нас Бердяев, всеми любимый и всегда желанный. Был конец ноября, <...> киевский <...> На литературном собрании <...> Бердяев повел меня <...> в "директорскую" <...> "Да где же тут Шестов?" И вдруг увидел <...> "Рыбак рыбака видит издалека!" - сказал он, и на меня глянули синие печальные глаза")¹⁰. Знакомство быстро перешло в крепкую дружбу, II чему отчасти способствовало известное сходство биографий двух авторов: оба в моло-

дости принимали участие в освободительном движении,¹² но затем отошли от него, целиком посвятив себя художественному и интеллектуальному творчеству; после Октября оба эмигрировали (Шестов на год раньше, — в 1920 г.), оба избрали своим постоянным местом жительства на чужбине Париж, не прерывая и там тесных контактов друг с другом до самой смерти философа в 1938 г.¹³

Уже в дореволюционное время Ремизов не раз демонстративно заявлял о своей близости с Шестовым — житейской и духовной. Одним из таких заявлений явилось посвящение философу сборника литературно обработанных записей ремизовских снов "Бедовая доля".¹⁴ Другим — весьма своеобразным свидетельством того же порядка следует считать и "посвящение" Шестова в "старейшие кавалеры" "Обезьянней Великой и Вольной Палаты" (шутливого общества, учрежденного Ремизовым в 1907—08 гг.)¹⁵, — честь, которой удостоились весьма и весьма немногие люди из ремизовского окружения тех лет.¹⁶

Со своей стороны Шестов неизменно интересовался творчеством писателя, пристально следил за его успехами и неудачами на литературном и житейском поприще, не раз помогал ему материально, — в том числе своим содействием по устройству ремизовских произведений в различные журналы и издательства, и даже неоднократно собирался написать подробный критический разбор ремизовского творчества, но в конце концов перепоручил его своему единомышленнику Е. Лундбергу (остался неопубликованным). Обо всем этом свидетельствуют сохранившиеся письма Шестова к Ремизову за 1905—1912 гг.¹⁷ Они содержат множество откликов философа относительно самых различных сторон ремизовских произведений, его советы и пожелания писателю по этому поводу. Письма отражают напряженный духовный обмен между двумя авторами — замыслами и мнениями, мыслями и идеями.

Необходимо отметить и другой факт: в годы до революции Ремизов не раз публично декларировал свою и д е й н у ю солидарность с Шестовым, свою вовлеченность в круг идей и мыслей, занимавших философа. Так, в 1905 г. он опубликовал в "Вопросах жизни" один из немногих (если не единственный!) позитивных откликов в печати на сочинение Шестова "Апофеоз беспочвенности",¹⁸ — тем более знаменательный, что в нем Ремизов коренным образом разошелся в оценке "Апофеоза" с мнением идейно близкого в ту пору и ему и Шестову Н. А. Бердяева.¹⁹ Но еще за несколько месяцев до публикации ремизовской

заметки Шестов передал писателю следующее мнение Е.Г. Лундберга - в письме от 28.02.1905 г.: "Он <...> писал мне, что Вы единственный человек, который понимает меня. Что Вы ему такого наговорили? Приедет - узнаю".²⁰

Представляется естественным, что перечисленные нами свидетельства житейской, духовной и идейной связи, существовавшей между двумя авторами, не укрылись от внимания еще дореволюционных интерпретаторов ремизовского творчества (Г.И. Чулков, А.Закржевский), а равно и нынешних ремизоведов, и стимулируют поиск в произведениях Ремизова того периода определенного рода переключек с содержанием философских сочинений Шестова. В работах чехословацкой исследовательницы М.Очадливой, советского и венгерского ремизоведов М.В. Козьменко и К.Секе конкретные случаи эстетической рецепции идей и построений философа в ремизовских произведениях 1900-10 гг. прослежены зачастую полно и убедительно: М.Очадливой и К.Секе - на материале повести "Крестовые сестры", М.В. Козьменко - на материале всего дореволюционного творчества писателя.²¹ Вместе с тем две последние работы не оказались свободными от целого ряда недостатков, главным из которых нам представляются подход к комплексу идей Шестова 1898-1911 годах как к некоему стабильному и законченному целому (Козьменко) и трактовка Ремизова то как пассивного экспликатора этих идей в подвластной ему эстетической сфере (Козьменко), то, напротив, как изначально критически настроенного по отношению к ним интерпретатора (Секе). Все три подхода страдают, на наш взгляд, крайностями, - в действительности все происходило не столь однозначно.

Возьмем, например, Шестова: с течением времени сам Шестов весьма далеко ушел от тех идей, которые в свое время привлекли внимание Ремизова, показались ему созвучными его собственным настроениям и послужили основой сближения писателя и философа. Поэтому анализ проблемы, указанной в оглавлении настоящей статьи, следует начать с анализа эволюции шестовских идей в рамках начального периода его творчества (1898-1911). Подспорьем в этом нам послужит накопленный у нас и за рубежом опыт изучения творческого наследия Шестова. В плане методологическом ориентиром для нас послужило исследование Р.А. Гальцевой,²² использовавшей при разборе в с е й идейной эволюции мыслителя методiku анализа утопии (в самом широком ее понимании),²³ однако, в отличие от Гальцевой, мы считаем правомерным экстраполировать использованный ею

подход на интересующий нас период идейной истории Шестова.

Фактическое обоснование данного утверждения потребовало выработки особого языка описания анализируемого объекта, исходя из его специфики, поэтому вначале – несколько замечаний об этой последней.

Определяющей для Шестова оказалась одна из кардинальнейших проблем философии Нового времени – проблема свободы и необходимости,²⁴ и в ее разработку ему удалось внести некоторые новации, обусловленные в равной мере и основами его индивидуальной психологии, и особенностями его мировоззрения. Так, с одной стороны, Шестов оказался "сам как личность вовлечен в познание законов бытия, в результате чего субъективный момент получает < у него. – А.Д. > гипертрофированное развитие, а это ведет к тому, что обстоятельства жизни философа оказывают существенное воздействие на характер и тональность его творчества".²⁵ С другой, – Шестов пришел в своих умозаключениях к отождествлению понятия необходимости с рациональным мышлением, рационализмом как таковым (или, пользуясь его собственной терминологией, – с Разумом)²⁶ что, в свою очередь, явилось причиной его длительной, необычайно ожесточенной и изощренной полемики с ним (Разумом).

Все это привело к тому, что рассуждения Шестова, "сконцентрированные вокруг проблемы человеческой личности, развивались в двух направлениях: страстной попытки освобождения от господства всяческих объективных законов < трактуемых им как порождение все того же Разума. – А.Д. >, а также полной реализации себя – или, в других терминах, спасения в вере"²⁷. Соответственно этому специфику философии Шестова можно выразить следующим образом: основными категориями, которыми она оперирует, должно считать категории о б ъ е к т а (окружающей реальной действительности, – во всей полноте ее атрибутов, прежде всего – негативных) и с у б ъ е к т а (отдельного человеческого индивида, в первую очередь – самого Шестова); в ходе этих операций указанные категории вступают в корреляцию, характер которой определяется и задается с у б ъ е к т о м,²⁸ точнее – присущей ему тенденцией к предельной самореализации. Соответственно, конечную цель своих философских размышлений Шестов видит в выработке для субъекта (читай: для самого Шестова) особого мировоззрения – условно: "Л о г о с а", чья функция – регулировать отношения субъекта/объекта таким образом, дабы создать наиболее оптимальные условия для его

(субъекта) максимальной самореализации ("спасения").

Это, так сказать, синхрония идейной эволюции Шестова, диахрония же ее может быть представлена как последовательная внутренне обусловленная смена качественных трансформаций указанных коррелятов (и понятия "Логос" в том числе). В наиболее общих чертах она сводится к следующему.

Момент возникновения философской проблематики Шестова — острый духовный кризис, пережитый мыслителем в сер. 90-х гг., — определяется как ситуация, в которой нарушилось некое исходное относительное равновесие между основными коррелятами. Объект, представлявшийся ранее субъекту как нечто относительно упорядоченное, структурированное (условно: "Космос"), был внезапно осознан им как нечто неупорядоченное, аструктурное и потому враждебное ему по своей сути (как "Хаос"), что повлекло за собой возникновение у субъекта трагического мироощущения, гипертрофированного чувства собственной самоценности и, как следствие, — актуализацию в его сознании тенденции к реализации себя в сложившихся обстоятельствах. Поскольку же объективно упомянутый кризис явился ответной реакцией Шестова на позитивистскую трактовку идеи прогресса и обусловленное ею пренебрежение к проблемам отдельной человеческой личности, то на первый план выдвинулся вопрос о смене прежнего, выказавшего в новых условиях свою несостоятельность, мировоззрения субъекта — новым — "спасительным" "Логосом", призванным восстановить утраченную относительную "гармонию" субъектно-объектных отношений.

Практическая реализация "спасения" индивида, предпринятая Шестовым на основе трагического мироощущения (ставшего отныне одним из основных движущих факторов развития его мысли), была зафиксирована в сочинении "Шекспир и его критик Брандес" (1898). Прежний характер отношений субъекта/объекта восстанавливался здесь (вернее декларировался восстановленным) путем создания некоей "внесоциальной космоидеи": р е а б и л и т а ц и и о б ъ е к т а — "Х а о с а", и с х о д я и з е г о н о в о й с п е ц и ф и к и. В итоге сложилась чисто спекулятивная конструкция, "основанная на равновесии "ужасов" жизни и их разумной необходимости, которая постигалась лишь на высотах человеческого гения".²⁹ Ей сопутствовала дискредитация методологии и практики гносеологического рационализма и сциентизма, признанных Шестовым не-

годными для решения возникших перед ним задач.

Антирационалистическая направленность построений Шестова стала доминирующей в его втором сочинении "Добро в учении гр. Толстого и Ф. Нитше (Философия и проповедь)" (1900), где созидательный пафос значительно ослаб. Но акценты при этом переменялись: если в книге о Шекспире почти весь свой полемический зазор Шестов обратил против рационализма в сфере познания, уделив критике рационалистической этики относительно мало внимания (см.: Шестов: I, 246-262),³⁰ то в "Философии и проповеди" последняя возобладала. Но и здесь, продолжая начатое, Шестов также стремится представить наличие в реальной действительности всевозможных "ужасов" как имманентно присущий ей принцип организации и функционирования, выдать аструктурность объекта - за особый род структурированности (упорядоченность со знаком "минус"), "Хаос" - за "Космос" (но, разумеется, уже с другими качествами).

Следующая работа Шестова - "Достоевский и Нитше (Философия трагедии)" (1902) - продемонстрировала резкий поворот в развитии мысли философа, сказавшийся в переориентации его внимания с объекта на субъект и сосредоточении исключительно на этом последнем. При этом здесь в полной мере выказала себя проявлявшаяся ранее подспудно иррационалистическая подоплека шестовской философии. В частности, это нашло отражение в существенной корректировке концепции "спасения" индивида: своеобразная апология "экстремальной ситуации" - "Философия трагедии" убеждала, что обретение искомого "Логоса" и связанная с ним самореализация субъекта осуществимы лишь исходя из самого субъекта, точнее - из последовательного развития чинтенций, порождаемых, регулируемых и стимулируемых его трагическим мироощущением. Тем самым самодовлеющее значение страдательного момента в субъекте провозглашалось единственным источником развития мысли Шестова и генератором всех его последующих построений.

Вышло, однако, иначе: иррациональная стихия возобладала, буквально захлестнув при этом самого философа, и дальнейшее развитие его идей и построений пошло в другом направлении - по пути декларированной здесь же тотальной борьбы "философии трагедии" с "заблуждениями" человечества - с "Разумом" (см.: Шестов: III, 229, 242 и др.). Следующее сочинение философа - "Апофеоз беспочвенности (Опыт адогматического мышления)"

(1905) - на практике зафиксировало этот новый перенос акцентов: ³¹ внимание Шестова переключилось здесь с проблемы субъекта на проблему "Логоса".

Последовательно проведенная до логических пределов развита в новых книгах Шестова - "Начала и концы" (1908) и "Великие кануны" (1910), - эта переакцентация выявила здесь свою непродуктивность. Ослабление трагической проблематики и вытеснение ее на периферию привели к снижению актуальности самой проблемы самореализации ("спасения") субъекта. За счет этого, в свою очередь, нарушилась причинная связь ее с проблемой "Логоса" (обретение оптимального "Логоса" ведь трактовалось до этого как непосредственная предпосылка осуществления "спасения") и последняя приобрела тем самым самоудовлетворяющее и самодостаточное значение. Подключение же при этом иррационального момента обрекло Шестова на бесперспективное раздвоение между страстным желанием и усилиями обрести мировоззренческий позитив ("Логос") - и страхом перед возможным проникновением в него рациональных элементов, неадекватно, с точки зрения Шестова, отражающих объективную реальность и вносящих по этой причине момент дезориентации в его (Шестова, субъекта) существование, а значит - ограничивающих тем самым его личностную свободу. Шестов то усматривает мировоззренческий позитив в полном отсутствии такового, то, осознав, что подобного рода умозаключение оборачивается признанием факта его наличия ("минус-позитив"), вновь и вновь пытается искать его - в аномальных явлениях человеческой психики, в явлении сна; порой Шестов возвращается - с той же целью - к разработке трагической проблематики, но такие "отступления" фрагментарны. Вскоре, однако, бесперспективность любых попыток следования по пути, намечившемуся в "Апофеозе беспочвенности", стала очевидной и для самого Шестова: выпустив в 1911 г. шеститомное собрание своих сочинений, он сравнительно надолго (до 1916 г.) умолкает, - таким образом начальный период философской эволюции Шестова завершился.

Что же из всего этого следует? Сравнение идейных субстратов двух первых и двух завершающих указанный период шестовских книг наглядно удостоверяет в наличии полной инверсии между ними, - инверсии, фактом своего существования удостоверяющей в том, что в данном случае мы имеем дело с соционтологической утопией, обернувшейся - в процессе ее практической реализации - полной своей противоположностью. ³²

Сказанного, однако, недостаточно: дальнейшие наши рас-

суждения на тему "Ремизов и Шестов" требуют указать также некоторые факторы, вызвавшие шестовское предприятие, проследить определяющие моменты процесса его трансформации в антиутопию.

Большинство исследователей философского наследия Шестова, как правило, игнорируют книгу о Шекспире как бедную идеями и малосамостоятельную, анализируют ее изолированно от всего контекста начального этапа творческой эволюции мыслителя. А между тем именно здесь со всей очевидностью заявлено волевое устремление ее автора: самым непосредственным образом повлиять на современное общественное сознание, — перераспределить его на иной — отличный от господствующего в это время — тип мышления. Этот же прежний, радикально здесь отрицаемый, Шестов генетически связывает с практикой французского Просвещения (см.: Шестов: I, 9-17 и др.). Факт этот чрезвычайно симптоматичен: в трудах французских просветителей получил теоретическое обоснование и был практически утверждён новый для своего времени подход к решению проблемы взаимоотношения человека и окружающей реальной действительности, заложены прочные основы эмансипации гуманистического сознания от традиционных религиозных скреп; против этого — то подхода и ополчается Шестов: осознание того, что "Бог умер" (Ф. Ницше), и человек остался один, без какой-либо опеки со стороны всемогущего Домена, перед безликими объективными законами природы, — это осознание, пришедшее именно в тот момент, когда внимание мыслителя сосредоточилось на проблеме жизни и смерти человека,³³ — оказалось невыносимым для сознания Шестова. И в ответ он предпринял многоэтапный "поход" против современного ему секуляризованного мышления:³⁴ начал в своем "Анти-Брандесе" (Вик. Ерофеев) и продолжил в "Философии и проповеди".

Думается, ясно, чей пример стоял при этом перед глазами Шестова: имя Ницше, разбору и интерпретации философии которого посвящены 2-я и 3-я книги Шестова, вскользь упоминается уже и в "Анти-Брандесе" (см.: Шестов: I, 285); там же содержится и сожаление по поводу того, что данное сочинение не предназначено для обсуждения "проблемы Ницше", служащее своеобразной заявкой будущей темы. Итак, волевой импульс к обеспечению "спасения" индивида и созданию "социума счастливых" на основе нового типа мышления — от "переоценки всех ценностей" Ницше и по его стопам.

Однако не следует расценивать задуманное Шестовым пред-

приятие упрощенно. Шестов - человек высочайшей философской эрудиции, и ему было понятно, что одного только волевого усилия, пусть и облаченного в увлекательную, завораживающую манеру изложения, для перестройки общественного сознания недостаточно, и что процесс этот - длительный и трудоемкий, - в этом его отчасти убеждал и трагический опыт того же Ницше. И в этой связи мы "выходим" на другой шестовский образец для подражания: уже в "Анти-Брандесе" содержится ряд резких инвектив в адрес принципов автономной этики (см.: Шестов: I, 246-282 и др.), формулированных кантианцами, но приписываемых Шестовым самому Канту.³⁵ С "Кантом" же, но под обликом актуального для России той поры этического учения Л.Толстого ("добро есть Бог"), спорит Шестов и в "Философии и проповеди".³⁶ Эти-то переадресации и выявляют Канта как "provocатора" шестовских построений. Именно построений, а не их идейного наполнения: пример Канта, вначале выработавшего теоретические предпосылки для своего "коперниканского переворота", а только затем уже осуществившего его на их основе, был чрезвычайно актуален для интеллектуалов конца XIX - начала XX вв., именно в это время переживших период нового увлечения учением кенигсбергского философа, как актуален он был и для Шестова, - сына своего времени (главным стимулом тому служила "завороженность" Шестова идеями немецкого трансцендентализма, о которой сообщают Бердяев и Зеньковский).³⁷ Следуя з а р а н е е н а м е ч е н н о м у п л а н у переориентации общественного сознания, составленному с учетом стратегии, апробированной в свое время Кантом, Шестов дает в "Анти-Брандесе" свою "Критику чистого разума" (с той, однако, разницей, что интерес Шестова к чисто гносеологическим проблемам гораздо более поверхностный, нежели у Канта), дабы затем - во второй своей книге - представить и свою "Критику практического разума", что и было им сделано - к своему собственному разочарованию.

В этой связи необходимо остановиться на интерпретации "Философии и проповеди" в нашей науке. По традиции, идущей от Р.В. Иванова-Разумника,³⁸ принято считать, что книга о Шекспире знаменовала собой эпоху "разумной действительности" Шестова, тогда как следующее сочинение философа будто бы целиком порывало с ней.³⁹ Причина же разрыва заключалась, якобы, в том, что уже к этому времени Шестов осознал внутреннюю противоречивость своей умозрительной конструкции, основанной "на равновесии "ужасов" жизни и их разумной необходимости"

(Вик. Ерофеев). В качестве подтверждения тому обычно ссылаются на авторское "Предисловие" к "Философии и проповеди", где Шестов сочувственно цитирует известное письмо Белинского, порывающего с философией "Егора Федорыча Гегелева". Такое мнение представляется нам верным лишь отчасти и потому не отображающим в с е й сути проблемы, а от этого зависит многое в правильной интерпретации и начальной стадии идейной эволюции Шестова, и эстетического преломления этих идей в творчестве раннего Ремизова. Действительно: вторая книга мыслителя разрывала с идеями первой, но разрывала о б ъ е к т и в н о, - за счет подспудно взревших в ней несогласованных с первоначальным замыслом и основной его мыслью элементов. С у б ъ е к т и в н о же, т.е. с точки зрения самого Шестова, она, напротив, углубляла и развивала эти идеи. Если же и следует говорить о субъективно осознанном разрыве, то лишь применительно к авторскому "Предисловию", но оно было написано уже п о с л е завершения работы над основным текстом книги (что выясняется уже из его содержания, - см.: Шестов: П, 10). В процессе же самой работы Шестов не только не осознавал противоречия, но даже не задумывался о нем, целиком поглощенный реализацией свои далеко идущих реформаторских планов. Что же все-таки вызвало разрыв? Попробуем кратко ответить на этот вопрос.

Прикрывшись для вящей убедительности своих построений "непререкаемым" авторитетом Шекспира⁴⁰ и лишь эпиграфом к книге и несколькими намеками в тексте указав на своего подлинного идейного "provocатора", Шестов легализовал имя Ницше во второй своей книге, сделав здесь предметом обсуждения и один из главных источников своей конструкции - учение Ницше об amor fati (см.: Шестов: П, 169-171), и подготавливая тем самым последующую легализацию идеи "переоценки всех ценностей". Однако осуществление последнего замысла отсрочилось по причине произошедшего сбоя: ницшеанская amor fati, ассимилированная Шестовым, но принимаемая им на веру скорее умо-зрительно, - в качестве необходимого составного элемента выстраиваемой спекулятивной конструкции, - вначале потребовала своего реального наполнения, а затем и признания причины, из которой она вытекала - констатации неустранимого - "неизбывного" - трагизма жизни; между тем тенденция субъекта к предельной самореализации (второй составной элемент конструкции) сохранилась и даже более того - актуальность ее возросла, стимулируемая усугубившимся трагизмом мироощущения субъек-

екта. За счет этого непрочное равновесие конструкции нарушилось, — настолько, чтобы с очевидностью обнаружился его изначально условный характер, а это, в свою очередь, потребовало от Шестова соответствующей корректировки намеченных им ранее планов: он был поставлен перед необходимостью возведения новой теоретической базы для своей будущей "переоценки ценностей". Как мы помним, эту свою новую "Критику чистого разума" он создал в "Философии трагедии", усмотрев адекватную для ее выражения форму в субъективно истолкованной им "философии" "человека из подполья" Достоевского.⁴¹ Но, в свою очередь, вывод о несостоятельности выстроенной в "Анти-Брандесе" конструкции стимулировал возникновение в сознании Шестова постоянно действующего фактора авторефлексии.

Возникновение его имело далеко идущие последствия для всех дальнейших шестовских умозаключений и построений. Так, например, перенос акцентов с объекта на субъект, наметившийся в "Предисловии" ко второй книге и теоретически обоснованный в "Философии трагедии", был, помимо всего прочего, логически обусловленным выходом из сложившейся в тот момент кризисной ситуации; осознание — при посредстве фактора авторефлексии — его (и вышеупомянутой конструкции) рациональной природы выявило для сознания Шестова факт противоречивости, непоследовательности его собственных построений: опору в борьбе с "Разумом" на "разумные" же по своему происхождению средства. Не будучи в силах устранить это противоречие и заключив, что любые средства приемлемы для реализации намеченных им планов, Шестов придал этому явлению статус руководящего принципа (см.: Шестов: Ш, 192—195). В шестовской "переоценке всех ценностей" — в "Апофеозе беспочвенности" — этот принцип выстраивания умозаключений стал уже самоудовлетворяющим, что, в частности, проявилось и в обращении философа для выражения своих теоретических высказываний к форме парадокса. Непосредственно же действие фактора авторефлексии выразилось здесь в виде тотального скепсиса. Объективно все это уже в "Философии трагедии" привело к эксплицированию и последующей генерализации элементов иррационализма, составлявших глубинную основу сознания Шестова, в его дальнейших идеях. Это, в свою очередь, составило в "Началах и концах" и "Великих канунах" благоприятную почву для постепенного перерастания фактора авторефлексии в доминирующий, что привело вначале к обретению им самостоятельного значения, а затем — к осознанию Шестовым провала задуманного им предприятия.

Таким образом, трагизм мироощущения Шестова, иррациональная основа его сознания и повышенная рефлексивность его мышления, поочередно сменявшие друг друга в функции доминанты, явились основными генераторами и регуляторами идейной эволюции мыслителя на ее начальном (1898-1911 гг.) этапе. Очевидно, что число подобного рода движущих факторов возрастает при более детальном анализе, но это - задача специальных исследований. Наша же задача иная - осветить процесс освоения и интерпретации идей и построений Шестова в художественном творчестве А.М. Ремизова.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Келдыш В.А. К проблеме литературных взаимодействий в начале XX века о так называемых "промежуточных" художественных явлениях // Русская литература. - 1979. - № 1. - С. 4.
- 2 Ремизов А.М. "Иверень. Загогулины моей памяти". Воспоминания // ЦГАЛИ. Ф. 420, оп. 5, ед.хр. 16., л. 25-26. Несколько иначе история приобщения Ремизова к философии и, в частности, к учению А. Шопенгауэра выглядит в книге воспоминаний писателя "Подстриженными глазами", - см.: Ремизов А.М. Избранное. - М., 1978. - С. 458.
- 3 Ремизов А.М. Автобиография. 1912-13 гг. // ОР. ГПБ. Ф.634, оп. 1, ед.хр. 1., л. 10. Ср.: "<...> Ницше, о нем Ремизов узнал из статьи Преображенского в "Вопросах философии и психологии" и его взбудоражило. И когда в Пензе он достал "Заратустру", то принялся за перевод. <...> С переводом он как-то справился и послал в "Жизнь". Но ответа не дождался. Это его не смутило. Снова послал перевод в "Жизнь" <...> - марксистский журнал во главе с Горьким.
Ремизов верил в Заратустру и в Горького: обратит внимание - но и на этот раз не получил ответа" (Кодрянская Н. Алексей Ремизов. - Париж, 1959. - С. 147-149).
- 4 См. об этом: Голлербах Э. В.В. Розанов: Жизнь и творчество. - Пб., 1922. - С. 4-5.
- 5 Новиков А.И. Нигилизм и нигилисты: Опыт критической характеристики. - <Л.>, 1972. - С. 130.
- 6 Алексей Ремизов о себе // Россия. - № 6. - М.; Пг., 1923 (февраль). - С. 26.

⁷ Хотя Ремизов находился в это время в ссылке, возможности ознакомления с "Миром искусства" сразу после выхода журнала из печати у него были, — см. в этой связи след. его воспоминание: "Все книги, выходявшие в России, в первую голову высылались в Вологду <...> к <...> П.Е. Щеголеву. И было известно все, что творится на белом свете: из Арзамаса писал Горький, из Полтавы Короленко, из Петербурга Д.В. Философов, он же высылал и "Мир искусства" <...>" // Ремизов А. Северные Афины: История с географией // Современные записки. — Париж. — Т. XXX. — 1927. — С. 239.

^{7а} В 1902 г. в "Мире искусства" была опубликована большая работа Шестова "Достоевский и Нитше (Философия трагедии)" (1902, № 2, 4-9/10), содержащая резкие полемические выпады против представлявшегося там же исследования Д.С. Мережковского "Лев Толстой и Достоевский"; еще раньше (1901, № 8-9) — довольно пространная "критика" на это же сочинение (подробнее см. об этом: Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века: 1980-1904: Буржуазно-либеральные и модернистские издания — М., 1982. — С. 153-157). Критические выступления Шестова против маститого Мережковского сразу же обратили на себя внимание культурных кругов того времени, вызвав широкий резонанс, о чем свидетельствует, напр. след. воспоминание Н.Оцупа: "Хорошо ныне известный в Европе, бывший тогда юным студентом, философ Лев Шестов сразу обратил на себя внимание, резко напав на Мережковского, разоблачая бедность его художественной и философской идеи" (Оцуп Н. Современники. — Париж, 1959. — С. 129), — Оцуп ошибается: к тому времени 35-летний Шестов давно уже завершил получение высшего образования, но именно данная аберрация памяти мемуариста отражает эффект, вызванный шестовскими статьями.

⁸ Ремизов А.М. Автобиография. 1912-13 гг. // ОР ГПБ. Ф.634, оп. I, ед.хр. I., л. 10.

⁹ См.: "С обоими свела судьба: с В.В. Розановым в Петербурге в 1905 г., с Шестовым в Киеве в 1904-м" (Русский Берлин. 1921-1923: По материалам арх. Б.И. Николаевского в Гуверовском институте / Изд. Л.Флейшман, Р.Хьюз, О.Раевская-Хьюз. — Т. I — Paris; — 1983. — С. 181-182).

¹⁰ Ремизов А. Встречи: Петербургский буерак. — Paris, <1981>. — С. 267-268.

- 11 См.: "Из писателей старшего поколения А.М. <Ремизов> был связан давнишней дружбой со Львом Исааковичем Шестовым. А.М. глубоко ценил и любил его. Шестов был единственным человеком, с которым Ремизов был на "ты". Философия Шестова была близка А.М. <...>" (Резникова Н.В. Огненная память: Воспоминания о Алексее Ремизове. Berkeley, 1980. - С. 86).
- 12 Об этом периоде жизни Шестова см., напр.: Лундберг Е. Записки писателя: 1920-1924. - <Д.>, <1930>. - Т. 2. - С. 75; Кувакин В.А. Религиозная философия в России: Начало XX века. - М., 1980. - С. 225.
- 13 См.: " <...> когда Шестов умер, А.М. <Ремизов> записал в тетради <...> : "Помер. Очень больно, это был друг". (Резникова Н.В. Указ. соч. - С. 87).
- 14 См.: Ремизов А. Рассказы. - СПб., 1910. - С. 135. В письме к Ремизову от 19.II.09 г. Шестов в след. выражениях благодарил за это: "<...> за посвящение большое тебе спасибо. Хорошо, что именно "Бедовую долю" посвятил. Я и заслужил, ибо удалось кой-кого приучить к ней" (ОР ГПБ. Ф. 634, оп. I, ед.хр. 241., л. 16). По этому поводу см. также след. отрывок из автобиографической книги Ремизова "Кукха": "- А Шестову, - сказал я, - сны <т.е. записи ремизовских снов. - А.Д.> по душе.
- Шестов! - В.В. <Розанов> всегда необыкновенно почти-тельно отзывался, - ум беспросветный!" (Ремизов А. Кукха: Розановы письма. - Берлин, 1923. - С. 116).
- 15 См. о нем, напр.: Гречишкин С.С. Архив А.М. Ремизова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 г. - Л., 1977. - С. 32-34.
- 16 По этому поводу см., в частности, след.: "И когда я ска-зал В.В. Розанову, что он <...> возводится в старейшие кавалеры Обезвельволпала, Розанов сразу ничего не понял, ошеломился, а потом спросил:
- А кто еще старший там у тебя в палатке?
<...>
- Гершензон старейший, Шестов...
Я хотел было еще сказать, что и Иванов-Разумник, Лунд-берг и Балтрушайтис, но побоялся сразу вводить во все обезьяньи тайны:
"обезвельволпал есть общество тайное!"

Гершензон и Шестов произвели огромное впечатление.

- Старейший кавалер, - соображал что-то В.В., - и никогда ни выше, ни ниже?

- Никогда. Так и останетесь старейшим навечно.

- Это мы в роде как митрофорные попы? - обрадовался В.В., - согласен!" (Ремизов А. Кукушка... С. 39).

- 17 См.: ОР ГПБ. Ф. 634, оп. I, ед.хр. 240 (29 писем, написанных с начала 1905 по 1907 гг.); ед.хр. 241 (32 письма, датированных апрелем 1908 - ноябрем 1912 гг.). Известно также, что 30 писем 1913-19 гг. Шестова к Ремизову хранятся РО ИРЛИ (см. об этом: Гречишкин С.С. Указ. соч. - С. 38). К сожалению, по независящим от нас обстоятельствам, ознакомиться с ними мы не смогли.
- 18 См.: Ремизов А. По поводу книги Л.Шестова "Апофеоз беспочвенности" // Вопросы жизни. - 1905. - № 7. - С. 204.
- 19 См.: Бердяев Н. Трагедия и обыденность // Вопросы жизни. - 1905. - № 3. - С. 260. Еще до печатания бердяевской и ремизовской статей Шестов писал - 24.03.05 г. - Ремизову: "Вы говорите, что публика не одобряет "Апофеоз". Знаю, дошли уже слухи. Ни один из знакомых, которым я послал книгу, не ответил ни словом. Даже Ник(олай) Алекс(андрович Бердяев)! Я на него надеялся, что не в пример прочим, примет апофеоз... Если молодая курсистка не одобряет - это хорошо. Если С.Н.(Булгаков) недоволен - тоже понятно. А Ник. Алекс. следовало бы вникнуть" (ОР ГПБ, Ф. 634, оп. I, ед.хр. 240., л. 4. Ср. там же: л. 6).
- 20 Там же: л. 3 (письмо от 28.02.05 г.).
- 21 См.: Очадликowa М. Причудливый мир Алексея Ремизова // Prednášky ve XIII. behu letni školy slovanských studií v roce 1969: Kolektiv. - Praha. - S. 247-248; Козьменко М.В. Мир и герой Алексея Ремизова: К проблеме взаимосвязи мировоззрения и поэтики писателя // Филологические науки. - 1982. - № I. - С. 24-30; Секе К. "Апофеоз беспочвенности": Лев Шестов и Алексей Ремизов. Точки соприкосновения двух типов художественного мышления в русской литературе начала XX века // Dissertationes slavicae. XV. - Szeged, 1984. - S. 105-120.
- 22 См.: Гальцева Р.А. Иск к разуму как дело спасения индивиду (Гносеологическая утопия Льва Шестова): (Обзор) // Социокультурные утопии XX века: Реф. сб. - М., 1983. - Вып. 2.

- 23 См. там же. - С. 42, 47.
- 24 Ср.: "Человек и борьба со всем, что ограничивает его свободу - вот центр размышлений Шестова" (Krzemien W. *Filozofia w cieiu prawoslawia: Rosyjscy myslciele religijni przelomu XIX i XX wieku.* - Warszawa, 1979. - S. 109).
- 25 Ерофеев Вик. "Остается одно: произвол" (Философия одиночества и литературно-эстетическое кредо Льва Шестова) // *Вопросы литературы.* - 1975. - № 10. - С. 154.
- 26 Ср.: "Разум для Шестова - это не только рациональное познание, противопоставленное вере, это всяческая необходимость, это законы логики, законы науки, моральные нормы, а также законы природы, - это все то, что, по мнению Шестова, ограничивает человеческую, личностную свободу" (Krzemien W. *Ibid.* - S. 108).
- 27 *Ibid.* - S. 109. Ср.: "Л.Шестов <...> хочет найти свободную жизнь, освободиться от оков необходимости, от законов логики и морали, которые делают ответственными за трагическую судьбу человека" (Бердяев Н. *Лев Шестов. По случаю его семидесятилетия* // *Путь.* - Париж. - № 50. - 1936. - С. 51.)
- 28 Ср.: Гальцева Р. Шестов // *Философская энциклопедия.* - М., 1970. - Т. 5. - С. 505.
- 29 Ерофеев Вик. *Указ. соч.* - С. 161.
- 30 Все ссылки на сочинения Шестова даются по изданию: Шестов Лев. *Собрание сочинений.* - СПб. <I9II>. - Т. I-VI. Римская цифра указывает том, арабская - страницу.
- 31 Ср.: "Трагический мотив ослабел в "Апофеозе"" (Бердяев Н. *Трагедия и обьденность* // *Вопросы жизни.* - 1905. - № 3. - С. 260).
- 32 Фактически к такому же выводу пришел в своем исследовании творчества Шестова 1898-1911 гг. Б.Грифцов, - см.: Грифцов Б. *Три мыслителя: В.В. Розанов, Д.С. Мережковский. Л.И. Шестов.* - М., 1911. - С. 181-182.
- 33 См. об этом: Ерофеев Вик. *Указ. соч.* - С. 154.
- 34 Ср. с интерпретацией творчества Шестова В.В. Зеньковским, - см. Зеньковский В.В. *История русской философии.* - М., 1956. - Т. 2. - С. 283-292. См. в данной связи также след. воспоминание Е.К. Герцык, относящееся к 1910-11 гг.:

"<...> с внезапной серьезностью сказал, <...> что его, Шестова, дело - навсегда обличить Вольтерову мысль, ползучую, хихикающую. Так странно прозвучали эти слова у Шестова, обычно не склонного к символизации и провозглашению какой-то своей задачи!" (Герцык Е. Воспоминания. - *Взгля*, 1973 . - С. 110).

- 35 См.: Бердяев Н. Трагедия и обыденность... - С. 278-279, 282-28
- 36 См. там же. - С. 269 и др.
- 37 См. там же. - С. 278; Зеньковский В.В. Указ. соч. - С.285.
- 38 См.: Иванов-Разумник. О смысле жизни: Ф.Сологуб, Л.Андреев, Л.Шестов. - СПб., 1910. - С. 196.
- 39 Ср.: Ерофеев Вик. Указ. соч. - С. 162-163.
- 40 Ср.: Иванов-Разумник. Указ. соч. - С. 173.
- 41 Ср.: "О Достоевском и говорить нечего. "Записки из подполья" для него <для Шестова. - *А.Д.*> - документ необычайной важности, истинная "критика чистого разума", не в обиду будь сказано Канту <...>" (Адамович Г. Одиночество и свобода. - Нью-Йорк, 1955 . - С. 267).